

УДК 111

МЕТАМОРФОЗЫ МЕТАФИЗИКИ: НЕПРЕРЫВНЫЙ ПОИСК ОСНОВАНИЙ

А.А.Шестаков*, Н.В. Зайцева*, В.В. Ходыкин**

*ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет»,
г. Самара

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им.
академика С.П. Королева», г. Самара

В статье предметом осмысления выступают метафизические основания бытия в целом и их ключевые элементы от античности до современности. Тематизация метафизики как важнейшей сферы философского поиска проводится в контексте изучения трудов мыслителей различных исторических эпох. На контекстуальном уровне определяются основные этапы развития и формы концептуализации метафизического знания на протяжении его истории. Особое внимание уделяется акцентированию аргументов в пользу сохранения актуальности метафизических поисков для современной философской мысли.

Ключевые слова: метафизика, бытие, рациональность, мировоззрение, философия.

Как бы не казалось странным, но широко представленная в современном философском дискурсе категория метафизики не располагает однозначным и общепризнанным определением. Справедливости ради отметим, что данное понятие уже с самого своего оформления изначально славилось неоднозначностью, порождая бурные дискуссии. При этом сам смысл указанного концепта и понимание его места в структуре философского знания в ходе истории претерпели серьезные изменения. Более того, имевшие место попытки редукции изначального содержания и даже радикальные попытки элиминировать метафизику из рефлексивного обихода пока не увенчались сколь-нибудь ощутимым успехом.

Важно подчеркнуть, что столь устойчивая неоднозначность в интерпретации метафизики во все времена доставляла существенные сложности всем, кто так или иначе ею занимается. В качестве наиболее устойчивых стереотипов истолкования метафизики можно привести следующие: а) синоним философии, б) основание философского анализа ключевых проблем бытия, в) отождествление метафизики с онтологией, г) догматический метод, д) подобие метафоры.

В рамках западной интеллектуальной традиции истоки метафизических оснований бытия принято усматривать в трудах Платона. Именно этот мыслитель предложил сверхчувственное, или надфизическое, интерпретировать в качестве основания бытия. Сама идея о сверхчувственной действительности возникла в контексте платоновского вопроса о возможности физических феноменов быть чем-то конечным. Известно, что с натурфилософских позиций физические или механические причины представляют собой нечто конечное. Что же касается Платона, то он не признавал физическое конечным. Роль последней инстанции философ отводил именно сверхфизическому. В частности,

при экспликации такого феномена, как красота, не стоит замыкаться лишь на физических аспектах формы или цвета. Здесь античный мыслитель предлагает возвысить рефлексирующий разум до осознания того, что есть красота вообще. Словом, сверхфизическое у Платона основывается на мире идей, присутствующих в себе и для себя по принципу иерархии. На вершине мира оказывается Благо, или Единое, как важнейший вектор бытия. Как видим, умопостигаемое становится причиной чувственно воспринимаемого бытия. Умопостигаемое у Платона извечно, стало быть, всегда было, есть и будет вне времени и пространства. Тогда как чувственно воспринимаемое пребывает в рамках пространства и времени. Другими словами, речь идет о динамичном образе вечности, базирующемся на идеале великого в малом.

Платон рассматривает математическое умножение как процедуру упорядочения. Античный мыслитель наделял математические сущности промежуточным статусом между идеями и вещами. При этом повседневность не содержит идеальных геометрических фигур. Они присутствуют внутри человека, что является следствием наличия индивидуального жизненного опыта. Данные органов чувств могут не соответствовать действительности. В такой ситуации необходимо вступление в игру разума, способного добиться соответствия хаотично воспринимаемого и действительно существующего. Подобные рассуждения привели Платона к созданию теории однопорядковой сущности души и тела. В ней говорится о наличии видимой и невидимой субстанций. Высшей субстанцией считается сверхчувственная душа, а тело выступает лишь ее хранящим вместилищем. Отсюда высшим смыслом жизни для души оказывается идея Блага.

Изначально идея у Платона была видимой стороной вещей, но постепенно стала их внутренней сущностью. В частности, в диалоге «Парменид» можно встретить такие рассуждения: «... все идеи суть то, что они суть, лишь в отношении одна к другой, и лишь в этом отношении они обладают сущностью, а не в отношении к находящимся в нас [их] подобиям <...> только благодаря причастности которым мы называемся теми или иными именами» [8, с. 355]. Подчеркнем, что последнее значение со временем стало ключевым в классических метафизических концепциях. Все это дает основания характеризовать Платона как основателя классической западной метафизики. Рассматривая структуру вещей, античный философ использовал в своих рассуждениях такие категории, как субстанция, сущность, природа, единое как принцип целостного определенного и совершенного бытия и познания, а также диада как принцип множества и неопределенности. Фактически нечто подобное должно способствовать финальному поиску метафизической сущности исследуемого, пониманию того, зачем, собственно, оно вообще есть: «...существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе...» [8, с. 357]

Представляется ясным, что интеллектуальные поиски в данном аспекте предполагают построение системы наблюдений и экспериментов, выбор соответствующего инструментария в виде специального языка, соответствующих формул, символов, графиков, таблиц и прочих изысков современных академических исследований. Однако истоки такого подхода ещё с античных времен сопряжены с дилеммой согласования того, что зримо, и того, что говоримо. Первая опция в данном контексте выступает основой потенциального разрешения указанной дилеммы. Пожалуй, определяющим элементом выражения

зримого и говоримого у Платона выступает категория «идея». Этот термин изначально характеризовал нечто видимое на фоне мрака или хаоса небытия.

Таким образом, изложенное выше дает основание заключить, что в основании платоновской метафизики лежит постоянное воссоздание зримого посредством системы взглядов, формирующих целостную картину вещей с учетом принципа меры. Подобного рода система взглядов выступает необходимым истоком говорения, что, в свою очередь, активно способствует тематической концентрации языка с дальнейшим образованием соответствующей практики речи. Основное препятствие на пути реализации всего изложенного выше Платону видится в смутных движениях души. Необходимое очищение мыслитель предлагает проходить посредством рефлексивной аскезы, способствующей лимитированию страстей и желаний. Подобного рода самодисциплина для мыслителя является залогом способности обоснованно выявлять сущность вещей. Похожий ход рассуждений позднее найдет отклик в трудах и других известных мыслителей. В частности, Г.-В. Лейбниц в «Рассуждении о метафизике» утверждал: «Чтобы лучше понять природу идей, нужно коснуться разнообразия наших познаний» [6, с. 149].

Подтверждением изложенного выше можно считать точку зрения Х.Г. Гадамера, согласно которой история метафизики отчасти сравнима с историей платонизма. Так или иначе в рамках этой интеллектуальной традиции работали такие известные мыслители, как Аристотель, Августин, Кузанский, Лейбниц, Кант, Гегель и многие другие. По сути, все они касались теории субстанции в рамках классической метафизики. К примеру, Аристотель, будучи непосредственным учеником Платона, продолжил развитие метафизики, но с определенными отличиями. Он, в частности, ориентировался на подход с использованием опыта без научного обоснования, т. е. с опорой на очевидность и риторические доказательства. В качестве основного замечания в адрес платоновской картины мира Аристотель в «Метафизике» указал на разорванность бытия, достигаемую за счет деления на вещи и идеи: «...доводы в пользу эйдосов сводят на нет то, существование чего нам важнее существования самих идей: ведь из этих доводов следует, что первое не двойца, а число, т. е. что соотношенное [первое] самого по себе сущего, и также все другое, в чем некоторые последователи учения об идеях пришли в столкновение с его началами» [1, с. 86–87]. Взамен было предложено выделить материю и тесно с ней связанную форму, благодаря которой и образуются все окружающие объекты. Далее мыслитель осуществил деление познания на три основных части: теоретическую, практическую и продуктивную. Наиболее важными Аристотель считал теоретические исследования – метафизику, физику, математику. Так, рефлексия относительно физики была вторичной, а относительно метафизики (надфизической действительности) – первичной. Стараниями Аристотеля метафизика получила распространение в среде античных мыслителей. Философская мысль сконцентрировалась вокруг нескольких основных проблем – первопричины, бытия, субстанции.

В частности, первопричины у философа присутствуют в нескольких вариациях: материальные, действующие или движущие, формальные и финальные. Стагирит считал идеи сверхчувственными, а умопостижимое – обрамлением чувственного. Замену платоновских идей на формы Аристотель объяснял оторванностью идей от вещей: «...следует <...> считать невозмож-

ным, чтобы отдельно друг от друга существовали сущность и то, сущность чего она есть; как могут поэтому идеи, если они сущности вещей, существовать отдельно от них?» [1, с. 88]. Это обстоятельство, по его мнению, не позволяет идеям стать основой бытия вещей, а также необходимым ключом к их анализу. Что же касается формы, то она наряду с материей выступает необходимым компонентом вещей и их информационной основой. Таким образом, рефлексивный разум проникает в сферу чувственно воспринимаемого.

В данном контексте важно обратить внимание на сверхчувственную субстанцию. Как известно, Аристотель в рамках своей метафизики рассматривал субстанцию как первичное. В частности, не сотворенные движение и время являют собой вечное, идущее от неподвижного и лишено всякой потенциальности Первоначала. Речь в данном случае идет об абсолютном акте сверхчувственной субстанции или абсолютно неподвижном вечном Перводвигателе, давшем движение всему привычному для человеческого разума бытию. Данный абсолютный акт находится над и вне всего сущего с позиций метафизической и логической рефлексии в силу того, что бытие вечного всегда актуально. Космический хаос как результат чистой потенции в силу его невозможности порождать бытие при этом отрицается. Абсолют выступает воплощением чистой энтелехии, удерживающей вокруг себя все бытие в привычном нам состоянии. Абсолютный разум занят рефлексией, в рамках которой сам когнитивный процесс и изучаемый предмет образуют собой единое целое.

Существенно позже, в начале Нового Времени, Р. Декарт с учетом опыта формирующегося естествознания в рамках своей метафизической доктрины устремляется от платоновских вещей и аристотелевских форм непосредственно к построению необходимых алгоритмов их детального анализа. Главный интеллектуальный артефакт Просвещения, представлений в виде готового знания о вещах окружающей действительности, теперь создается без оглядки на особенности познающего субъекта в лице философа или заявляющего о своих правах ученого, специфики их партикулярного видения бытия и использования ими оригинального исследовательского языка: «...здесь в слове "идея" заключается двойкий смысл. Оно может быть взято или в материальном смысле, как действие моего разума, и тогда нельзя сказать, что идея совершеннее меня. Или же оно может быть взято в объективном смысле, как <...> объект <...>, и тогда, <...> он <...> может быть совершеннее меня в силу своей сущности» [3, с. 327]. Соответственно непосредственно наблюдаемое и высказываемое относительно конкретной совокупности деталей исследуемого становятся одним и тем же. И так, начиная отсчет с картезианских «Рассуждений о методе» и вплоть до XX в., в центре внимания оказывается детальное исследование сущего по заранее разработанным правилам. В частности, ряд правил в рамках своего метода разработал и сам Декарт. «Но больше всего удовлетворяло меня в этом методе то, что он давал мне уверенность, что я во всем неуклонно применяю мой разум ...» [3, с. 274]. Некогда традиционное бытие вещей подвергается дифференцированному осмыслению и индивидуации через констатацию их особенностей с целью осуществления классификаций. Таким образом, столь привычное для предыдущих эпох бесконечное множество вещей становится упорядоченным и доступным систематическому взору ученого.

Между тем современная философия нередко сталкивается с изречениями о «конце метафизики». Некогда традиционное для античности вопрошание «что есть сущее?» сменяется принципиально иным, «кто наблюдает и интерпретирует?». В общекультурном контексте наличие целой совокупности позиций по конкретным вопросам становится чем-то вполне очевидным и даже естественным. В подобном ключе высказался И. Кант: «... я не могу не предостеречь от поспешных выводов, которые с особенной легкостью делают по самым глубоким и неясным вопросам» [4, с. 298].

Тернистая траектория западной метафизики среди значимых вех в своем развитии содержит, в частности, рационализированную гегелевскую систему. Последняя в свое время даже претендовала на обобщающие суждения в данной области. Принимая во внимание интеллектуальные изыскания предыдущих эпох, Гегель противопоставлял метафизику диалектике в качестве метода познания. В то же время в русле традиционной интерпретации метафизики в качестве «царицы наук» немецкий классик позиционирует свое учение о разуме. Вот демонстративный сюжет из «Философской пропедевтики»: «Разум – это высшее соединение сознания и самосознания, т. е. знания о предмете и знания о себе. Он есть достоверность того, что его определения являются столь же предметными определениями, определениями сущности вещей, сколь и нашими собственными мыслями» [2, с. 90]. Следует подчеркнуть, что рационализм метафизики Гегеля породил весьма ощутимую антиметафизическую критическую волну. В этом контексте сам переход от классической к неклассической метафизике можно связать с трансформацией приоритета Разума в приоритет Воли, что теоретически и содержательно было связано с усилением роли онтологии и эстетических компонентов в рефлексивных процедурах. Среди основных идейных формализмов подобных метаморфоз чаще указывается волюнтаризм А. Шопенгауэра, экзистенциальные опыты С. Кьеркегора, философия жизни Ф. Ницше, интуитивизм А. Бергсона и фундаментальная онтология М. Хайдеггера.

Остановимся на этом вопросе обстоятельнее. Шопенгауэр, будучи одним из первых критиков классической философской мысли, проявил, тем не менее, тесную взаимосвязь с предшествующей метафизической традицией. Он весьма пессимистично констатировал, что бытие человечества и разум едва ли совместимы. В этой связи мыслитель в основание бытия субъекта помещал волю, а не разум. «Воля как вещь в себе составляет внутреннюю, истинную и нерушимую сущность человека, но в самой себе она бессознательна» [10, с. 268]. Ещё более критичным было восприятие классической метафизической традиции со стороны Кьеркегора и Ницше. Своеобразие Кьеркегора заключается, в частности, в стремлении изнутри проанализировать фундаментальные проблемы классической мысли, намечая новые ориентиры. С этой целью во главу угла датский мыслитель помещает отчаяние, вызванное фундаментальным разочарованием. Кьеркегор, другими словами, считает отчаяние ключом в поисках фундаментальной сущности всех вещей. Он полагает: «Невозможно дать прямого (недиалектического) определения ни одной из форм отчаяния; всегда нужно, чтобы форма эта отражала свою противоположность» [5, с. 268]. Картезианское изречение «я мыслю, следовательно, существую» мыслитель заменяет на «я здесь и потому размышляю, что существую здесь». Словом, существование играет роль исходной рефлексивной категории, дающей начало

интересу ко всем прочим проблемам. Ключевые постулаты классической метафизики мыслитель перенаправляет в иное русло: важнейшей проблемой становится экзистенция личности и предполагаемая судьба ее бытия.

Ницше также выступал с критикой классической метафизики, упрекая последнюю в разделении истинного и неистинного бытия. Беря на вооружение метафизические представления о воле Шопенгауэра, философ делает акцент на «воле к жизни»: «Где противоположная воля, в которой выражается противоположный идеал?» [7, с. 859]. Речь в данном случае идет о стремлении воссоздать известное единство мышления и бытия с метафизическим обоснованием творческой сущности субъекта. Словом, актуализируется вопрос о ключевых проблемах личностного потенциала субъекта рефлексии. Вышеизложенное убедительно свидетельствует о том, что идеи Шопенгауэра, а позднее Кьеркегора и Ницше способствовали трансформации ключевых устоев классической метафизики. Творчество указанных мыслителей демонстрирует переориентацию рефлексии в направлении индивидуальной конкретизации вопросов бытия субъекта. «Я живу на свой собственный кредит, и, быть может, то, что я живу, – один предрассудок?» [7, с. 965]. Представители философии жизни в противовес немецкой классике стремились обосновать невозможность анализа экзистенции, базируясь исключительно на позициях разума. Все изложенное выше свидетельствует о непростых метаморфозах в рамках рефлексивных построений традиционной метафизики, возникших под давлением проблем неклассического характера.

Еще раз подчеркнем, что в рамках классической метафизической платформы особое значение придавалось абстрактным конструкциям. В частности, интерес вызывали по преимуществу внешние контексты бытия субъекта. Соответственно подобного рода абстракции были просто не восприимчивы к отдельно взятому субъекту. К примеру, субъектом в метафизике Гегеля выступало человечество в целом, скрывавшее от аналитических взоров потенциальные проявления индивидуального плана.

Что же касается непосредственной онтологической проблематики, то в условиях кризиса классической метафизики особое место стало отводиться несубстанциональной интерпретации бытия. Это, в свою очередь, свидетельствует о все более чётко проявляющихся интенциях постепенной субъективизации онтологии. При этом субъективная онтология может именоваться и как индивидуальное «Я». Указанный феномен являет собой непосредственную связь действий бессознательного и индивидуального сознания. Именно таким образом личностное бытие оказывается в поле восприятия субъекта. В результате субъективная онтология в качестве связующего начала способствовала некоторому размыванию границ между философией, искусством и повседневностью.

Тем самым по факту признания первичности сознания формируются ключевые ориентиры неклассической ориентированной метафизики. Её доминирующей интенцией становится погружение в глубины души познающего субъекта. Движение рефлексивной мысли в указанном направлении в существенной степени предопределило последующее развитие метафизики, сфокусировавшей основное внимание на принципах бытия субъекта.

В результате обращения к постклассическому наследию А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора и Ф. Ницше М. Хайдеггер констатирует завершение «классического философствования». В данном контексте нужно вспомнить о

хайдеггеровском интересе к проблематике сущности бытия. Отправной точкой, положившей начало поискам решения поставленной проблемы, можно считать его фундаментальный труд «Бытие и время». Эта работа демонстрирует стремление автора к формированию новой метафизики, или фундаментальной онтологии. Философ вводит категорию «Dasein», «...несмотря на то, что метафизика употребляет это имя для обозначения того, что также existentia, действительность, реальность и объективность ...» [9, с. 53]. Мыслитель обращается к началам метафизики в целях поиска фундаментальных оснований бытия. Фактически автор производит переформатирование проблемного поля философского анализа с «что есть бытие?» на «в чем смысл бытия?».

Нельзя не обратить внимание на то, что трансформации в классической метафизике в значительной степени связаны с переходом от сущего к бытию, и с поисками сущности последнего и его истинных оснований. В работе «Что такое метафизика?» Хайдеггер отмечает, что «сущность присутствия заключена в его экзистенции» [9, с. 54]. В «Бытии и времени» мыслитель обозначил для себя задачу перехода от постулатов классической рациональности к категориям и ориентирам художественно-поэтического характера. В этой связи философ обнаруживает близость своего познавательного инструментария с ведущими представителями постклассической философии (Шопенгауэр, Кьеркегор, Ницше, Дильтей, Бергсон).

Итак, в основании хайдеггеровской неклассической метафизики просматривается синкретизм ряда критических по отношению к традиционному рационализму идей так называемой иррационалистической рефлексии. Мало того, в концептуальных построениях автора «Бытия и времени» можно обнаружить также и следы индо-буддийских и конфуцианско-даосистских традиций восточной философии, что, видимо, свидетельствует о начавшемся диалоге западной и восточной философских традиций. Данное обстоятельство свидетельствует еще об одной попытке привнесения восточных элементов в западные метафизические конструкции.

Если же говорить в целом, то развитие современной философии обычно характеризуется двумя основными рефлексивными платформами – эпистемологической и метафизической. Последний тип нацелен на формирование новой онтологии, тогда как первый можно квалифицировать в качестве наследника классического эмпиризма и рационализма, которые в ходе развития претерпели известные метаморфозы позитивистско-рационалистического толка. Конечно, в указанных трансформациях особую роль сыграли прагматизм, все четыре ключевых стадии позитивизма и аналитическая философия в целом.

Черпая вдохновение в восточных рефлексивных традициях, постмодернистское направление западной философии обращает пытливые взоры к возможности достижения гармонии человека как субъекта интеллектуальной активности с повседневным бытием. В данном контексте постмодернистская интенциональность обрамляется в рамки лингвистической интерпретации метафизики, что привело приверженцев постмодерна к попытке преодолеть сложившиеся еще у Платона метафизические оппозиции, какими являются идея и мир, субъект и объект. В качестве идейной альтернативы здесь возникает так называемое недualiстическое мировосприятие постнеклассической метафизики.

Что же в сухом остатке? Следует отметить, что на смену классической метафизике с её универсальными построениями пришла постнеклассическая, в

значительной степени – релятивистская – метафизика, где уже не постулируются универсальность и достоверность получаемых умозаключений в силу признания их исторической ограниченности. Признаются важность и равноценность множества вариаций метафизической рефлексии с соответствующим богатством категориального арсенала, задаваемых соответствующими векторами культурно-исторического развития.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–368
2. Гегель Г.-В.-Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С.7–209.
3. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
4. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С.291–360.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. Лейбниц Г.-В. Рассуждения о метафизике // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 125–163.
7. Ницше Ф. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 1056 с.
8. Платон. Парменид // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
9. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2007. С.346–412.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 671 с.

METAMORPHOSES OF METAPHYSICS: CONTINUOUS SEARCH FOR GROUNDS

A.A. Shestakov*, N.V. Zaitseva*, V.V. Khodykin**

*Samara State Technical University, Samara

**Samara National Research University, Samara

The article focuses on the metaphysical foundations of being in general and their key elements from antiquity to contemporary epoch. Thematisation of metaphysics as the most important sphere of philosophical search is carried out in the context of studying the works of thinkers of various historical eras. At the contextual level, the main stages of development and the form of conceptualization of metaphysical knowledge throughout its history are defined. Particular attention is paid to the emphasis in favor of maintaining the relevance of metaphysical searches for contemporary philosophical thought.

Keywords: *metaphysics, being, rationality, worldview, philosophy.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет». Самара. E-mail:

ShestakovAlex@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Наталья Валентиновна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет». Самара. E-mail: zajczeva.natalia2012@yandex.ru

ХОДЫКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет», Самара. E-mail: VKhodykin@yandex.ru

Authors information:

SHESTAKOV Alexandr Alexeevich – PhD, Prof., Chair of the Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru

ZAITSEVA Natalya Valentinovna – PhD, Professor of the Department of Social sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: zajczeva.natalia2012@yandex.ru

KHODYKIN Vladimir Vladimirovich – PhD, Associate Professor of the Dept. of Philosophy, Samara National Research University, Samara. E-mail: VKhodykin@yandex.ru